Дениза Николаенко

Серия «Сердце в подарок»

Влюбиться до Нового года

Сердце в подарок НГ

Дениза Николаенко

Сердце в подарок. Влюбиться до Нового года

Издательский дом "Проф-Пресс"

2026

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6

Николаенко Д.

Сердце в подарок. Влюбиться до Нового года / Д. Николаенко — Издательский дом "Проф-Пресс", 2026 — (Сердце в подарок НГ)

ISBN 978-5-378-36226-4

«Что делать, если под Новый год хочется на край света? Туда, где вечный холод. Мой план был идеален: тишина, снег, никаких неожиданностей. Я не учла только его. Парня, который выводит меня из себя одним своим видом. И этот невыносимый тип – брат новой жены моего отца. О которой папа тактично умолчал. И самый главный вопрос: какова вероятность, что я в него влюблюсь?»

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-378-36226-4

© Николаенко Д., 2026
© Издательский дом "Проф-Пресс", 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 17
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Дениза Николаенко
Влюбиться до Нового года

© Издательский дом «Проф-Пресс», 2026
© Дениза Николаенко, текст, 2026

Глава 1
Тот, в кого можно влюбиться

Пурга началась внезапно. С неба посыпались мелкие острые снежинки, которые боковой ветер вонзал в щеки, нос и веки. Я прикрывала рукой незащищенные участки. Было слышно, как по болоньевым варежкам барабанит крупа. Я сопротивлялась ветру, который, кажется, от этого злился еще больше. Сначала я думала, что мне не страшно и это скоро закончится. Но я видела снежных призраков. Это ветер поднимал снег, похожий на силуэт не то зверя, не то человека, и гнал его по бесконечной тундре. Все вокруг выло, стонало и свистело.

Мне казалось, что это воет и стонет мое нутро, но я только тихонько скулила, как бездомная собака. Все еще не от страха – для того, чтобы чувствовать, что еще жива, все еще здесь – в нескольких сотнях метров от дороги. И что совсем скоро все закончится.

– Фонарик! Включи фонарик! – сквозь вой и стон ветра донеслось до меня. – Надо идти! Тут оставаться опасно!

Я рассмеялась. Я хохотала так громко, как не может человек. Может, во мне уже и не осталось ничего от человека? Может, это что-то большее, чем скелет и кожа, сейчас возьмет и сделает первый шаг в эту воющую бесконечность? Потому что я – человек, девушка, москвичка, студентка четвертого курса Литературного института имени А. М. Горького – отказываюсь идти по стенающей сумеречной тундре. Я в ужасе замолчала и только смотрела пустыми глазами вдаль, пытаясь взглядом зацепиться за что-нибудь. Что-нибудь живое.

– Лика! – он выкрикнул имя мне в лицо. – Давай! След в след! – командовал он.

Я попыталась выдохнуть, но не смогла и шагнула.

Именно такое начало будет у моей книги. И обязательно включу в нее главу про воющую тундру. Ну а пока… Пока я возвращаюсь туда, откуда бежала две недели назад в поисках идеи для книги и настоящей жизни. В удобную, современную предновогоднюю Москву – лучший для жизни город. Да, меня бесит высокомерие одногруппников, которое они даже не пытаются скрывать. Они одни точно знают, как надо писать, и больше никто. А если их тексты остаются непонятыми, то это проблема читающего и он просто тупой. Но самое страшное, если кто-то из них влюбляется в тебя. Он заваливает личку стихами, но ты никогда не узнаешь, кто на самом деле скрывается за всей это мишурой, пусть и действительно хорошо написанной.

В Москве удобно жить. В Москве интересная жизнь у кого угодно, но только не у меня. Взять хотя бы мою мать. Мы никогда не выбрасываем разбитую посуду, моя мама, сколько себя помню, бережно собирает осколки, раскладывает их на бумаге, пытаясь придать первоначальный вид. Промежутки между осколками она заполняет специальной золотистой жидкостью, которая должна пахнуть ароматом цветущих полей, но воняет так, как будто по этому цветущему полю только что прошло стадо скунсов. Маме сорок три, два года назад она вышла замуж, год назад родила мне сестру. Назвали Милой. Мила учится ходить и говорить. Мать, совершенно счастливая, помолодевшая, купает Милу в ванне с пеной, приговаривая: «Моя рыбонька, мое солнышко, моя заинька».

Однажды мать ворвалась ко мне в комнату с криком. Я не знала, что думать, но быстро получила объяснения. Оказывается, она увидела у одной блогерши, что внутри в резиновых игрушках скапливается плесень.

– Нет, ты представляешь? Ты представляешь, в чем мы ее купаем? – мать трясла передо мной разрезанной уткой.

После рождения Милки мама не забросила свое кинцуги – так называется склеивание разбитой посуды, – но стала делать это редко и как будто бы без прежнего погружения в процесс. Раньше она могла просидеть несколько часов подряд над разбитой тарелкой, сдвигая по миллиметрам эти осколки, и не встать, пока не доведет процесс до конца. Сейчас эти осколки, склеенные на треть, могут неделями лежать на холодильнике.

Я решила съехать. Хорошо, что у нас есть еще одна квартира, правда в спальном районе. Зато в моем распоряжении тридцать два метра бетонных блоков, обклеенных обоями в розовый цветочек. На солнечной стене цветочки выгорели и стали почти белыми. Еще бы, здесь никто не жил много лет, а ремонт последний и единственный раз делали в две тысячи четвертом году строители. В квартире долго и счастливо должны были жить мы: мать, отец и я. Отцу квартиру подарили его родители на их с мамой свадьбу. Но не сложилось. Отцу быстро стало скучно, и он – молодой ученый, биолог – уехал изучать поведение моржей на Крайний Север. С тех пор я видела его на фотках, по видеосвязи и несколько раз вживую, когда он приезжал.

Отца я люблю. Я долго пыталась злиться на него, но у меня ничего не получалось. Я представляла, как грубо буду разговаривать с ним, когда он в очередной раз позвонит. Но звонит он всегда так редко, что я непроизвольно радуюсь и улыбаюсь в экран. В итоге я плюнула на то, что должна ненавидеть отца за то, что бросил нас с мамой, и призналась себе, что люблю его такого, какой есть. И мать люблю. Была бы она сейчас такой молодой и счастливой со своим «Зайчусиком», если бы отец не уехал?

Каждый вечер я возвращаюсь в пустую квартиру с обоями в розовый цветочек поздно вечером. Теперь после пар я собираю букеты во флористическом магазине возле дома. Мне нужны деньги, чтобы содрать эти дурацкие цветочки и наклеить на стены что-то однотонное. Флорист хочет избавиться от цветочков. Ха-ха. Может, я как-то так назову свою книгу: «Нет обоям в розовый цветочек, или Исповедь флориста». Флориста-литератора.

Я заканчиваю в двадцать один ноль-ноль. По дороге разговариваю с мамой. У нас есть минут десять до того, как она начнет укладывать Милу. За это время я успеваю дойти до подъезда, а в квартиру поднимаюсь в тишине. Пишу матери, что все ОК, получаю от нее: «Люблю тебя. Спокойной ночи». Перед сном листаю ленту сайта знакомств, пытаясь по фотке понять, что этот точно окажется тем, в кого можно влюбиться.

В тот вечер после маминого «Люблю» прилетело сообщение от отца. С нашей последней встречи прошло шесть лет, поэтому сообщение застало меня врасплох: «Прилетай на Новый год. Все оплачу».

Я встречу Новый год на Чукотке!

Глава 2
Незапертые двери

– Пальцы чувствуешь? Пальцы? Пальцы чувствуешь? – ему приходится выкрикивать несколько раз, хоть он и стоит вплотную ко мне. Слишком сильный ветер.

Я согласно киваю, но я не знаю, чувствую ли я пальцы. Способна ли я вообще что-то чувствовать, если не могу дышать этим колючим воздухом от ветра, мороза и страха. Противного подлого страха.

– Ты молодец! – Он стягивает зубами варежку, лезет за пазуху и вытягивает за красный шнурок навигатор. Из-под шапки выбивается черная короткая прядь, и ее тут же сковывает морозом. Она становится белой и безжизненной. Он смотрит в навигатор и хмурится.

Я вдруг замечаю, что он устал. Он очень устал. Страх не проходит. Но он перестает быть главным здесь.

Идей для книги у меня много, но как только доходит до отношений между главными героями, все стопорится. Я просто не знаю, каким должен быть главный герой, чтобы в него можно было влюбиться. Сама я в кого влюблялась? Первый раз – в Славку Воробьева из шестого «Б». У него были большие голубые глаза, и они почему-то наполнялись вселенской грустью, когда он смотрел на меня на случайных встречах в школьных коридорах. Однажды он написал на розовом стике: «Лика, ты мне очень нравишься» – и лично протянул мне. Я сказала, что мне он тоже нравится, но после этого ничего не изменилось: он не носил мой рюкзак и не провожал домой после школы, мы продолжали переглядываться. Скоро мне это все надоело, я перестала на него смотреть, а потом меня перевели в другую школу.

Последний раз я влюблялась позапрошлым летом на фестивале молодого искусства в Крыму. Я вместе с другими студентами, которые съехались со всей страны, жила в палаточном лагере. Мне понравился один парень. Он крутой фотограф и приехал сюда с персональной выставкой. На всех фотографиях у него изображены женские глаза. Он говорил, что цель его выставки – доказать, что красота – это не внешность, а то, что отражается в глазах. Мне он говорил, что в моих отражается он. Получилось бы у нас что-то, кроме фестивального романа, я не знаю. Тогда думала, что да. Теперь понимаю, что вряд ли. Но самое стремное, что шанс узнать это у меня отобрал наш гид – ужасно душный человек. Он не пустил меня в поход, в котором я могла бы провести много времени с «моим» фотографом и, может, даже ночевать в одной палатке. Видите ли, моя обувь была неподходящей для трекинга. Из похода фотограф вернулся за руку с моей соседкой по палатке.

Может, поэтому я и хочу написать роман? Потому что в моей жизни все парни как будто не те, в кого можно влюбиться, и я сама хочу создать идеального главного героя. Только вот не знаю, каким он должен быть, этот идеал. И можно ли вообще влюбиться в идеального человека? Я думаю об этом в удобном кресле самолета, следующего рейсом «Москва – Анадырь», жую куриную тефтелю и предвкушаю встречу с отцом.

Мой папа, Карелин Иван Леонидович, – интересный человек. Не менее интересный, чем мать. Может, поэтому у них ничего не получилось, кроме меня, ведь для любви надо, чтобы противоположности притянулись. А эти двое такие одинаковые в стремлении жить интересно, но их интересы слишком разные. Могут ли быть вместе люди, если один все время что-то склеивает, а другой разбивает? Хотя, мне кажется, мама только и начала жить по-настоящему, когда встретила «Зайчусика» и родила Милку. А отец всегда шел туда, куда хотелось, несмотря на то, что дома есть та, кому он был очень нужен. «Но он же звонил. И деньги присылал», – мелькнуло в голове. Да уж, оправдания отцу я всегда найду.

В общем, от этой поездки жду… Не знаю чего. Так странно, в последний раз, когда мы вот так сидели рядом, я была еще ребенком. На языке крутится все тот же вопрос, который я пыталась задать ему все это время, но так и не смогла сделать этого нормально. Теперь, когда я взрослый человек и мне не нужно, чтобы он возвращался «в семью», хочется задать ему простой и одновременно сложный вопрос, просто чтобы понять: как он мог оставить семью? Жену и маленького ребенка. Ведь я точно знаю: отец любил по крайней мере меня. Всегда боялась задать этот вопрос. Как мне с ним общаться? Рассказывать истории из детства? Спросить, почему он не взял нас с мамой с собой? Почему вообще уехал? Все эти вопросы казались при детальном анализе такими же, как Милкины утки: снаружи красивыми, внутри – с плесенью. Поэтому я ничего не решила и просто с волнением и нетерпением ждала встречи.

Самолет приземлился в Угольных Копях в тринадцать ноль-ноль, опоздав всего на полчаса. Я вышла из здания аэропорта в неизвестность. Она была бело-голубой от мороза и снега. Я сделала глубокий вдох и сразу почувствовала: воздух здесь другой. Здесь все другое и никто никуда не спешит. Может, потому, что некуда? В любом другом городе стараешься побыстрее уехать из шумного аэропорта, и перед тобой множество вариантов: такси, поезд, электричка, автобус, – которые увезут тебя прочь в какое-нибудь уютное и совершенно ДРУГОЕ место. А здесь нет другого места. Здесь, на краю мира, все одинаковое: бело-голубое, холодное, бескрайнее.

Я увидела отца издалека. Среднего роста, поджарый, с резкими движениями, он спешил ко мне в красной куртке до колен и шапке с помпоном. Несмотря на ужасный холод, куртка была застегнута не до конца, а на лице сияла улыбка.

– Ну привет, дочь! Анжелка… Какая ты взрослая! – Папа одной рукой обнял меня, а другой забирал мой чемодан. – Ну что, повезло с дорогой, да? Сейчас быстренько доедем, уже зимник обкатан! – суетился отец, подталкивая меня к машине с огромными колесами.

Зимник – это замерзший лиман, который отделяет аэропорт от Анадыря.

– А это точно не опасно? – я чувствовала себя дурочкой.

Папа непонимающе посмотрел на меня.

В машине было тепло и даже жарко. Я сняла шапку. Всю дорогу он болтал обо всем и ни о чем. Сначала я хотела перебить его, спросить о чем-то важном, но где-то в середине пути вдруг поняла, что он делает. Он пытается наладить со мной контакт. Болтает без умолку. Пока что этого достаточно.

Папа сказал, что получил грант и открыл свое производство бытовой химии и косметики.

– Варю шампуни, представляешь? – В его глазах горели тысячи огоньков. – Пока что монополист в Анадыре, но цены держу низкие. Ну насколько это позволительно, конечно. – А это, смотри! – отец открыл бардачок и достал небольшую коробку. От нее запахло какими-то травами. «Твердый шампунь» – выведено аккуратными буквами с закорючками, ниже: «Angelika Bio». – Нравится?

– Прикольно! – Я улыбнулась, но внутри были смешанные чувства. Радоваться, что в честь меня свою косметику назвал? Сказать спасибо? Я вдруг поняла, что отец никогда не посвящал меня в свои дела. Он всегда узнавал, как живу я, слушал мои рассказы про одноклассников, жалобы на учителей, а позже – одногруппников. Про себя – ни слова. По крайней мере, я не помню, чтобы мы откровенничали. А может, это я просто никогда особо не спрашивала, как у него дела? Я знала, что он биолог, а он как бы в подтверждение этого присылал много фоток каких-то ягод, бивней моржей и немного себя на фоне плавающего льда. Мне почему-то никогда не приходила в голову мысль, что его жизнь, как и он сам, может меняться. Как оказалось, зря.

– Надо тебе и летом приехать! Летом лиман оживает, кого здесь только нет. Моржи, киты, нерпы. Людей не боятся. Фотографироваться любят и даже позируют, – начал оживленно папа, но к концу фразы как-то запнулся. Мне не понравилось это «летом приедешь», и ему, наверное,

тоже. Как будто можно только заранее договориться, когда мы встретимся и сколько времени проведем вместе. Но я не стала развивать эту мысль дальше. – Но ничего, и зимой найдем чем заняться. – Папа улыбнулся, и морщинка между бровей стала меньше. – Дочь, я хотел тебя сказать… Извини, что так поздно… В общем, я женился!

Я молчала полминуты, не меньше. Мой шок в шоке.

– Ф-ф-ф-ф… Поздравляю! Класс! – Я чувствовала, как мои брови подымаются вверх, а голос немного дрожит не только от удивления, но и немного от обиды. – Но мог бы раньше сказать. – Я показательно надула губы.

– Хотел, честно, но не мог подобрать слова. В итоге решил, что приедешь – и все лично скажу! – Отец взъерошил мои волосы. – Да мы так… Расписались, без торжества. И она… Она хорошая!

На фасаде четырехэтажного дома, в котором у папы квартира, нарисован олень. Чтобы зайти в подъезд, надо подняться на высокое крыльцо, огражденное синими металлическими перилами. Папа живет на первом этаже. Он не доставал ключи, просто толкнул дверь, и мы вошли.

– Анжелка, познакомься: это Светлана. Моя жена. – В прихожей показалась невысокая женщина с круглым лицом и мелированными волосами. Голубой домашний костюм шел к ее большим глазам такого же цвета.

– Очень приятно, – выдавила я из себя.

– Привет, привет. Давай проходи скорее. Голодная? Конечно, голодная, – щебетала эта Светлана. Блин, сколько ей лет? Она же намного младше отца и… И ненамного старше меня. «Вот это сюрприз, папочка. Я думала, проведу время с отцом, а тут… Эта… Жена», – я как будто мысленно репетировала речь, которую все равно никогда не произнесу вслух, даже если мы с отцом останемся наедине за те три недели, что я тут проведу.

Я думала, что самое неприятное со мной уже случилось. Но настоящий «сюрприз» ждал меня чуть позже. Он появился в прихожей, когда я уже сняла куртку и теперь стягивала ботинки, сидя на банкетке.

– Привет! – раздался надо мной мужской голос.

– Ты? Здесь? – Я смотрела на него снизу вверх, и это было ужасно унизительно.

Глава 3
Он вообще весёлый

Это дурацкая случайность, чья-то неудавшаяся шутка или спланированная месть (только за что?) высших сил? Я не знаю. Какова была вероятность встретить этого человека в доме собственного отца на краю света? Человека, из-за которого не случились, возможно, мои самые романтические отношения в жизни.

В общем, знакомьтесь: Тиргыкин Дмитрий Танатович – получеловек-полуробот, бездушная машина, картинка, созданная ИИ. Внешне, можно сказать, идеальный: высокий, спортивный, с черными густыми волосами, коротко выстриженными на затылке и по бокам, из-за чего на макушке они образуют непослушную копну. Глаза темные, почти черные, абсолютно ничего не выражающие. Так же как искусственный интеллект способен создавать только то, что ему зададут в промте, Дима способен делать только то, что прописано в правилах.

Дима – тот самый гид, который не пустил меня в поход с ночевкой на фестивале в Крыму из-за того, что у меня не было специальных трекинговых кроссовок. «Ты подвернешь ногу, не сможешь идти, тебя придется нести. Кто тебя понесет? Парни? Тогда девушки понесут их рюкзаки. Плюс свои рюкзаки. И что? Поход испорчен, понимаешь, Карелина?» – выдал он тираду тем летом на фестивале в Крыму. Я стояла и улыбалась. Я до последнего думала, что он шутит.

«А если не подвернешь, а сломаешь? Пока спасатели приедут, пока доставят тебя в больницу… Вдруг сепсис? И что, Карелина? Тю-тю!» – Дима сложил руки на груди и посмотрел на небо.

«Ну ты и придурок!» – выкрикнула я ему в лицо, когда поняла, что он на полном серьезе.

Что было потом, вы уже знаете. «Мой» фотограф, в чьих глазах я отражалась, вернулся из этого похода с моей соседкой за руку. Остаток фестивальных дней я провела одна. Вы когда-нибудь проводили время летом, в Крыму, где море, горы и даже раскаленный асфальт как будто пропитан романтикой, в одиночестве? Я – да. Благодаря вот этому душному человеку, который расхаживал по квартире моего отца так, как будто был тут главным!

– Ты… Ты что тут делаешь? Пап! – я вскочила в одном ботинке и бросилась к отцу как утенок, которому нужна защита от уличного кота.

– Лика, это Дима – мой брат. Но я так понимаю, что вы уже знакомы? Когда вы успели? Вот молодежь. – И Света захохотала так, что некрасиво обнажились десны.

– Привет! Неожиданно! – нахально улыбался этот Дима, не потрудившись вынуть руки из карманов спортивных штанов.

– Папа! – я потеряла самообладание и топнула ногой так, как будто после этого Дима исчезнет, растворится в воздухе и я больше никогда его не увижу.

– До… Доченька, Дима прилетел из Билибино, чтобы встретить Новый год с сестрой… С нами, – перепуганно произнес папа. Он ничего не понимал, но, мне кажется, ему было стыдно за мое поведение перед Светой и одновременно стыдно передо мной за то, что здесь были Света и Дима, который мне явно не нравился.

– Ну давайте-давайте, проходите. Чайник закипел давно, согреетесь с дороги! За чаем все и расскажете! Где, когда познакомились. Димон! Давай! – Света кивнула брату на мой чемодан. Он послушно унес его в комнату.

– Дочь, ну ты чего? – шептал папа, пока я держалась за его локоть одной рукой, а другой стягивала оставшийся ботинок.

– Да ниче, просто… Не ожидала, – промямлила я, понимая, что никуда этот Дима не денется, и мне придется лицезреть его все время, что я проведу у папы. – Просто надо было мне сказать, что… Что мы… Не одни будем, – я пыталась подобрать слова.

Я вдруг поймала себя на мысли, что, если бы мама выкинула что-то подобное, я бы точно ей все-все высказала. А с отцом я подбираю слова, боюсь его обидеть, как будто… Что? Он обидится и выпроводит меня отсюда? Вернет в Москву? Может, это комплекс всех брошенных детей? Пообещала себе быть поласковее с матерью. А с отцом? С ним надо просто больше и откровеннее разговаривать, наверное. Вот этим и займусь. В конце концов, я прилетела, чтобы провести время с отцом, и я этим временем воспользуюсь.

– Так откуда вы друг друга знаете? – спросила Света, разливая чай по большим чашкам с цветами, когда мы расселись за круглым столом.

– Да нечего рассказывать. Пересекались на фестивале в Крыму, я там гидом работал, а Анжелика постоянно пыталась нарушить технику безопасности. Я ей замечание сделал, а она обиделась. Ну прям как ребенок, – отчеканил Дима, как будто уже успел подготовиться. – Ну смешно же, – добавил он слащаво.

– Обхохочешься, – я старалась, чтобы мой голос звучал равнодушно. – Я, между прочим, за этот фестиваль деньги платила, и поход в горы входил в эту стоимость, – добавила я.

– Ну и сколько, по-твоему, стоят жизни других участников? – Димины черные глаза неожиданно сверкнули.

– Какие жизни? – хмыкнула я. – Я просто хотела подняться на Чатыр-Даг. Але! Это не Эверест и не Эльбрус. Это даже не самая высокая гора в Крыму. В Крыму-у-у-у! Что там может случиться вообще? – распиналась я.

– Которыми я должен был рисковать, – невозмутимо ответил Дима. Напускная невозмутимость. Точно напускная. – Ты, кстати, зря считаешь, что в походах по Крыму не может быть опасно. Почитай статистику, – добавил он, отпивая чай. Эта большая кружка с розовыми цветами ужасно не подходила ему и его занудству. Эмалированная, с отбитой местами эмалью смотрелась бы гармоничнее.

– Ой, не обращай внимания. Он вообще веселый. – Света легонько подтолкнула брата в бок. Просто на походах своих помешан. У него даже награждение там какое-то есть, – вступилась за Диму Света.

– Ага, «Оскар», – неожиданно хмыкнул Дима. – Разряд, Свет. Спортивный разряд, – поправил он сестру.

– Ой, да без разницы. Не умничай. – Она взъерошила его волосы. Прическа получилась так себе. Мы с папой хмыкнули. Этот индюк улыбнулся и вернул волосы на место.

– Ну-ка, попробуй. Брусничное. Мы с папой твоим собирали летом. Вань! – Света протянула банку с вареньем папе.

– Не кислит? – отец внимательно следил за выражением моего лица после того, как я отправила варенье на кончике ложки в рот.

Интересно, когда он успел таким стать? А может, всегда был. Может, просто я знаю его как невысокого коренастого мужчину в камуфляжном костюме с небритыми обветренными щеками, который открывает ножом банку сардины, и ему плевать на ее срок годности? Океан с глыбами льда, свист ветра, кажущиеся неуклюжими моржи, которые устроили лежбище на побережье, и их так много, что не видно скального берега, и голубые глаза, грустные оттого, как много всего видели, – вот что такое для меня отец. Он – дикий, свободный, живущий по каким-то другим правилам, чем остальное человечество, – вдруг сидит на теплой кухне в полосатом махровом халате и спрашивает, не кислит ли варенье, которое он сам закрывал летом.

Что это? Влияние Светы, которая, наверное, родилась для того, чтобы покупать вязаные салфетки, кружки с розовыми цветочками, что-то бесконечно варить, жарить, парить.

Они такие разные с папой, но… По-моему, мой престарелый отец… совершенно счастлив. Да точно. Блин, они держатся за руки под столом.

– Не кислит, – просто ответила я, хотя за своими мыслями совсем не заметила, какой вкус у варенья.

– А Димка прав, дочь. Ну, безопасность есть безопасность. Гида слушать надо, он в походе второй после… – Папа улыбнулся и поднял глаза к потолку.

– Ладно, я спать. Что-то голова болит. – Мне ужасно надоел этот бессмысленный разговор. И папа туда же, главное.

– Да, да, Лика. Отдохни, конечно. Такой перелет долгий, разница во времени. – Папа поднялся из-за стола вместе со мной.

– Таблетку дать? Да я уберу, ты что! Поставь! – Света перехватила мою руку с грязной посудой.

«Да пожалуйста!» – подумала я, но, конечно, промолчала. Мне показалось или она очень хочет мне понравиться?

Глава 4
Белокурая женщина, которую я заставила страдать

Я проснулась рано и чувствовала себя разбитой как мамина посуда. Склеить меня сейчас могла бы чашка кофе без сахара с лимоном. Я накинула халат и босиком прошлепала в кухню в надежде, что разберусь с кофемашиной, которую успела вчера заметить, если папа еще спит. К моему удивлению, кухню уже оккупировала Света. Она сидела за столом, уткнувшись в телефон, перед ней стояла прозрачная миска с тестом, а на плите что-то кипело.

– Гхм… Доброе утро, – я натянула улыбку. Не особо понимаю, о чем с ней разговаривать наедине.

– О, привет. Выспалась? Подушка не жесткая? Ты, если что, говори, не стесняйся, я поменяю. Скоро блинчики будут, – Света сделала движение рукой в сторону миски с тестом.

– Да мне бы кофе. Что тут нажать надо? – я переминалась с ноги на ногу возле кофемашины.

– Ой, сейчас сделаю. – Света отложила телефон и подошла ко мне так близко, что в носу защекотало от аромата ее духов. От нее пахло чем-то пудровым и сладким. Этот запах я точно знаю, но не помню название. Помню, что в магазине возле дома эти духи стоят в витрине под замком вместе с другими «ВИП-ароматами». У меня была возможность все их перенюхать, когда я стажировалась и выбирала, где мне менять время на деньги. Я выбрала цветочный. Там я чувствую себя немного творцом каждый раз, когда формирую букеты. А еще там интересно наблюдать за людьми. За тем, как мужчины выбирают букеты, и, возможно, кого-то из них я сделаю прототипом главного героя в будущем романе.

– Эспрессо. С лимоном. Если можно, – зачем-то смутилась я.

– Ой, а что-то про лимон не подумала. Ягоды достала, чтобы разморозились… Но тут наши, которые мы с Ваней… С папой сами собирали. Думала, может, ты не пробовала. Морошку же не пробовала? – Света суетливо поставила передо мной пластиковый лоток с ягодами, сверху покрытыми белым налетом льда, напоминающими незрелую ежевику. – Подождать немного надо. А лимон не покупала, – как-то сникла Света.

– Да ничего. Не парься. Все хорошо. Попью с молоком. – Мне стало неловко.

Света побелела. «Святой капучино, Лика, да пей уже черный кофе и не заставляй эту белокурую женщину страдать», – шепнул внутренний голос. – Молоко же есть? – наперекор внутреннему голосу спросила я вслух.

– Я сейчас папе позвоню, он купит! – Света схватилась за телефон. – Просто понимаешь, молоко… В общем, я его на блины использовала.

– Ладно. Тогда просто покажи, как пользоваться кофемашиной, – я еле сдерживалась, чтобы не психануть. Нет, конечно, не из-за того, что не было лимона или молока. Я понимаю, что это Чукотка, может, их тут купить сложно. Меня жутко бесила Света тем, что она готова была выпрыгнуть из своей кожи, пахнущей сладкой пудрой, чтобы угодить мне. А зачем? Я уеду через две недели и в следующий раз приеду (может быть) через шесть лет. Ведь столько я не видела папу в прошлый раз. И еще не факт, что я встречусь и с ней. Я, конечно, желаю папе счастья, но все-таки не факт, что Света будет с ним и дальше.

– Классные духи, – я смотрела на Свету сверху вниз с натянутой улыбкой, пока она возилась с машинкой.

– Спасибо. Ваня подарил. Там так смешно вышло. Мы во Владик летали летом и в магазин зашли. У меня глаза разбежались, я же первый раз… вот так… на Большую землю. Ну и Ваня мне купил. А они дорогущие ужас. – Света покраснела. – Папа у тебя – во, – Света подняла большой палец вверх после небольшой паузы. – Не из-за духов, конечно, а вообще, – спо-

хватилась она. – Ну ты и сама знаешь. – Так, готово! – Кофемашина перестала гудеть, и Света поставила передо мной кружку с цветами, от которой шел густой ароматный пар. – Кружки, кстати, тоже там купили. Мне они так понравились. Ну и еще там всякого по мелочам набралось так, что пришлось за багаж доплачивать. Но Ваня… Папа… Сказал, что ради хорошего настроения денег не жалко. А мне эти цветочки дурацкие, – Света вдруг засияла вся, – и правда настроение поднимают. – У нас же зимой сама видишь как, – она махнула на темное окно, в котором едва угадывались очертания соседних домов.

Я слушала ее треп и понимала, что она не пытается мне понравиться. Она такая и есть: наивная, чересчур открытая, доверчивая и немного… дура?

– Слушай, я думала, папа еще спит, – спохватилась я.

– Нет, он рано уехал, какие-то дела на производстве. На днях пургу обещают, тогда из дома не выйти. Хорошо, что у моих каникулы уже, – тараторила Света.

– У тебя дети есть?

– Ага. Целых пятнадцать. – Света засмеялась. – Я – учитель начальных классов. – Я облегченно вздохнула.

Света потупилась. Первый раз за утро в кухне наступила тишина. Я взяла чашку с кофе и подошла к окну. Я внимательно вглядывалась в темноту, как будто правда могла разглядеть что-то интересное в тусклом свете фонарей. В Анадыре в декабре нет полярной ночи, но солнце восходит поздно, около десяти утра.

Тусклое, оно не задерживается долго, и через два-три часа город снова погружается в сумерки. Взгляд скользил по светящимся окнам пятиэтажного дома напротив, в таком же живет папа. Фасад яркий, как будто какой-то ребенок сложил его из разноцветных кубиков. Дома разделяет широкая дорога, на которой очень мало машин. Она тоже как будто выложена тем же ребенком, только вместо цветных кубиков он играл с коврижками в форме прямоугольников и выложил их друг за другом в два ряда. Просто вместо асфальта здесь бетонные плиты, которые способны держаться в условиях вечной мерзлоты. Через равные промежутки на дороге установлены гигантские буквы «П». Как будто кто-то пытался соединить две обочины степлером, но у него ничего не получилось, и скобы остались торчать перекладиной вверх. Это мосты для коммуникаций, здесь их не прячут в землю. Земли в Анадыре – так, горстка сверху, а под ней – глыба льда, вечная мерзлота.

На кухне давно воцарилась привычная возня. Света лила на сковороду тесто, и оно шипело, а через минуту уже превращалось в блин. Круглый, тонкий, светлый. Видно, что она умеет и любит готовить.

Послышался звук открываемой двери, и скоро на кухню заглянул раскрасневшийся от мороза папа. Кухня наполнилась морозной свежестью. Папа подошел, чтобы поцеловать Свету и меня, он двигался быстро, резко, и казалось, что вместе с ним ожили и все предметы на кухне, до этого момента погруженные в полудрему.

– Девчонки, не скучаете? – Папа отправил в рот горячий блин и подул на пальцы. – На производстве закончил, я теперь весь в вашем распоряжении. Предлагаю на Верблюжку съездить. Сегодня ясно, сейчас рассветет – и виды оттуда откроются… М-м-м-м, – папа зажмурился. То ли от предвкушения видов, то ли от Светкиных блинов. Он ел уже третий.

Я не успела ответить. В прихожей послышалась возня, и в дверях показался Тиргыкин. Он тоже с ходу начал запихиваться блинами. Как позже выяснилось, из-за того, что в Анадыре из-за плохих погодных условий доставка продуктов может задерживаться на несколько недель и, соответственно, могут приходить не совсем свежие, считается большой удачей купить хорошее молоко. С яйцами попроще: какой-то предприниматель смог построить ферму прямо здесь, в условиях вечной мерзлоты. Короче, блины – это у них реально редкое блюдо.

– О, Димасик. Пакет взял? – Папа подошел к Диме и забрал пакет с продуктами. – Благодаря этому человеку мы наладили линию для твердых шампуней. Инженер. Инженерище! – Папа рассмеялся и похлопал Тиргыкина по плечу.

Блины у Светки правда получились красивые. Я положила себе два на блюдце с цветочками – комплект к чашкам и хмыкнула, вспомнив, что они значат для Светки. Я подрабатываю флористом, я уже букетов составила больше, чем придумала идей для своего романа, но впервые вижу, чтобы люди так радовались цветам, пусть и нарисованным.

– Так, дочь. Давай посмотрим, что у тебя из одежды. Если что, дам свою флиску. Будет этот… – папа подбирал слова.

– Оверсайз, – подсказала Света.

– Все вы знаете, молодежь, – папа улыбнулся и приобнял жену. – Она у меня модница, – добавил он и чмокнул ее в макушку.

«Ну да. И дура», – добавила я мысленно.

– Ой, – Света округлила глаза и куда-то убежала. Вернулась она с бордовым вязаным шарфом. – Это тебе. Сама связала. – Света торжественно накинула на меня шарф. От него пахло теми самыми духами. Он оказался очень мягким. Мне стало неудобно, что я назвала ее дурой, хоть и про себя.

– Цвет однозначно твой! К голубым глазам – то, что надо, – щебетала Света. – Скажите же? Дим?

– Ага, скажи. Хорошо? – Я сделала пару оборотов шарфом вокруг шеи.

– Ну… да… – промямлил что-то нечленораздельное он.

– По правилам? Ничего не нарушает такой шарф? – Я знала, что это скажу, еще когда мотала шарф.

Он промолчал, но я заметила, как дернулась его щека.

Папа и Света не слышали нас или сделали вид, что не слышат. Мы еще немного посидели за столом.

– Очень вкусно. Спасибо. – Я отставила тарелку с недоеденным блином. Решила больше не предпринимать попыток помочь Свете с уборкой.

– А это куда? – Дима зыркнул на мой блин.

– Ну можешь доесть. – Я фыркнула, вышла из-за стола и скрылась в своей комнате.

Через минуту в дверь постучали.

Глава 5
Тот ещё морж

– Ликин, извини! Надо было тебя предупредить про Свету и тем более сказать, что будет Димка. – Папа плотно закрыл за собой дверь и виновато переминался с ноги на ногу. – Но я не мог подумать, что будет такая реакция. По мне, так Димка – хороший парень, – добавил папа шепотом.

– Да дело не Диме или Свете, пап. Просто я думала, что у нас вроде как нет друг от друга секретов, а тут выясняется, что у тебя счастливая семья. – Я забралась в дальний угол кровати и прижалась спиной к стене.

– У нас нет секретов. Конечно, нет. Подожди, ты ревнуешь, что ли? К Светке? – Папа сел на кровать.

– Пф-ф. Мне десять лет, что ли, пап? Просто у вас у всех своя личная жизнь, дети, – я имела в виду маму, и эта фраза как-то сама вырвалась. – А я…

– А ты – моя самая любимая девочка! – Папа подвинулся ближе. – Это что за самая красивая, самая любимая папина девочка? – папа шутливо сюсюкал и обнял меня.

– Ладно, – я погладила его по бороде.

– Щекотно! – рассмеялся папа и стал щекотать меня в ответ.

Мы хихикали и дурачились минут десять, пока в комнату не заглянула Света. Она увидела, что у нас все хорошо, улыбнулась и закрыла дверь. Ладно, может, она не такая уж и дура. Может, просто она простушка? Или настоящая? Папа часто рассказывал, что на Чукотке люди другие.

«Здесь край России, Лика. За ними – никого. Если что, бежать некуда. Люди это понимают, поэтому живут не мечтами, а суровой реальностью. Они с ней не борются, не пытаются изменить. Они научились в ней жить. Люди здесь не придумывают себе роли, чтобы потом драматично играть их. Люди здесь настоящие, такие, какими задумала их эта реальность. Поэтому, наверное, им и жить легче, чем всем остальным. Они естественны в своей естественной среде. Понимаешь?» – я до сих пор помню строки пятнадцатилетней давности, которые отец мне писал в настоящем письме.

Может, и Света просто настоящая? Просто не боится быть такой чересчур открытой. Наверное, потому, что доверяет мне. Вон и шарф какой связала. Он правда красивый.

– Па, ну что, едем на твою Верблюжку? Вон светло вроде стало на улице. – Я твердо решила надеть Светкин шарф.

– Едем, едем. – Папа, еще несколько секунд назад расслабленно валявшийся на кровати, вскочил и стоял практически по стойке смирно. Всегда удивлялась его способности так быстро переключаться. Мне он напомнил атлета, который после выполнения серии элементов вместо того, чтобы согнуться в три погибели и отдышаться, стоит и улыбается. Только грудь вздымается в такт дыханию.

– Кстати, это что такое: Верблюжка? – Кроме погоды, я особо ничего не читала про Чукотку перед вылетом.

– Погнали. Увидишь! Так, вот эту кофту надень. – Папа открыл шкаф и показал на красную пайту – чебурашку.

– Есть, командир, – я приставила ладонь ко лбу.

Папа вышел. Я оделась и прошла в прихожую. Мне было видно, как на кухне мельтешит Светка.

– Све-е-ет, а ты что делать будешь? Давай с нами? – неожиданно для самой себя предложила я. Как будто этим предложением отменились бы мои прежние мысли о ней и то, что считаю или уже считала? Ее дурой.

– Ой, Лик, я бы с удовольствием, но мне соседке укол надо сделать в двенадцать. Боюсь, не успеем вернуться. Нам еще два дня, так что потом вместе погуляем, – Света показалась в дверях. Она успела переодеться, и теперь на ней был белый спортивный костюм. Ну все, только нимба не хватает. – Света улыбнулась и повернулась, чтобы снова скрыться на кухне. Я не сдержала смех. На ее спине от плеча до плеча раскинулись крылья ангела из страз.

– Чего ты? – Света обернулась.

– За соседку переживаю. – Я сделала вид, что закашлялась.

– А, да там уже все позади. Вот когда она в больнице лежала, мы все переживали. А ее животные – особенно. У нее кот и собака. Я же их ходила кормить, – пояснила Светка.

Просто какой-то сюр. Соседки, коты… Наверняка у нее есть и парочка сирот, которым она помогает. Я давно не чувствовала себя такой дурой. В прихожей появился папа, и мы наконец вышли.

Верблюжка, Верблюжья сопка, – самая высокая точка Анадыря. Находится она в черте города, и к ней ведет дорога. Поэтому, выехав из дома, уже через минут двадцать мы оказались прямо на вершине. Кроме нас с папой, на смотровой, окруженной по периметру металлическим забором, никого не было. Небо висело над головой серой плотной массой, казалось, что еще чуть-чуть – и опустится на плечи. Внизу пестрели разноцветные дома с муралами с изображением оленей, китов и людей в национальных костюмах. Дымились огромные трубы каких-то предприятий, не менее ярких, чем жилые дома. Можно было увидеть редкие машины на дорогах, которые петляли между этой пестротой. Город под нами казался игрушечным, ненастоящим и очень маленьким. Как будто какой-то ребенок расставил все эти цветные коробочки, чтобы хоть чем-то занять себя в этом пустом ледяном пространстве. Снежная холмистая пустота была огромной, она простиралась далеко за пределы цветного городка, пугала и вызывала желание смотреть в нее одновременно.

– Пап, Света хорошая, – вдруг сказала я.

– Да, очень, – улыбнулся папа глазами. Рот и нос его были под оранжевым баффом.

– Правда, мне кажется, я бы так не смогла. Ну, помогать всем, быть такой доброжелательной… – Я плотнее прижала к шее шарф, который связала мне Света.

Папа хмыкнул и обнял меня. Мы стояли молча некоторое время, мой взгляд скользил по снежным сопкам, покрытым кустами, казавшимися сказочными существами от застывшего на ветках ледяного снега.

– Больше десяти лет я наблюдал за моржами. Каждый сентябрь я жил в деревянной хижине на побережье Чукотского моря, которую мы с мужиками сколотили наспех в первый год наблюдений, чтобы успеть до того, как побережье заполнится моржами. Ух сколько их прибывает на лежбище. И вот я их считал, следил за общим состоянием, повадками, изучал причины гибели. Все фиксировал в журнале и передавал данные в институт. А что моржи? Они из года в год делали то, что дóлжно! Отдыхают и сбрасывают старую шерсть. Они выходят на землю, когда лед очень тонкий и не в состоянии выдержать вес моржа. Чертово глобальное потепление не миф, и в последние годы лед все дальше и дальше от берега, все тоньше и тоньше.

Из-за этого моржам приходится туго. Они больше времени проводят вдали от берега, из-за чего не могут питаться донными моллюсками. Но знаешь что, Ликуш, они все равно живут: отдыхают, спариваются, выясняют отношения с молодняком.

Условно, они не сидят на берегу и не плачут по тающему льду, хоть и высокоразвитые животные, – папа смотрел куда-то вдаль, от морозного воздуха его глаза слезились, блестели и были похожи на два небольших океана, покрытых едва схватившимся льдом. – Ты знаешь,

Ликуш, я однажды поймал себя на мысли, что я бы хотел жить так, как живут моржи. В смысле, делать то, что до́лжно, несмотря на обстоятельства. Тем более, знаешь, у нас-то возможностей больше. Да и здесь, – папа постучал пальцем себе по голове, – вроде как извилин больше. – А потом Светку встретил. Вот она – чистый морж. – Папа засмеялся. Я подхватила его заливистый смех. – Она не ищет причин быть несчастной. Есть хоть малейший повод радоваться – она радуется как ребенок. Надо помочь – помогает просто, обыденно, без пафоса. Понимаешь, о чем я? – Папа сильнее прижал меня к себе.

– Кажется, да. – Я понимала только одно: мы с папой разговариваем по душам, и это мне очень нравилось.

– Но тут еще и Чукотка роль играет. Люди тут, Ликин, другие. Я за столько лет пытался своим стать, а все равно… – Папа махнул рукой.

– А мне кажется, ты настоящий чукча. Вон смотри! – Я протянула руки к папиному лицу и приподняла уголки глаз.

– Ах ты! – Папа попытался схватить меня, но я вырвалась. Смеяться было тяжело, морозный воздух тут же попадал в легкие и оседал там глыбой льда. Мы с папой побегали друг за другом немного и, раскрасневшиеся, разгоряченные, стали собираться обратно.

По дороге мы заехали в супермаркет с романтическим названием «Полярный круг». Ассортимент здесь не шикарный, конечно, но вроде все необходимое есть. Папа взял пакетик с какими-то специями.

– Будешь пробовать национальное блюдо, – папа помахал передо мной пакетиком.

– Какое? Пакетированные специи а-ля Чукотка? – Я засмеялась.

– Завтра увидишь, – подмигнул папа и засмеялся в ответ.

– Слушай, а ты почему моржей своих забросил? Бизнесом занялся? – спросила я, когда мы уже подъезжали к дому.

– Да понял, что засиделся на одном месте. Движения захотелось. Идея возникла, ну и рынок тут нуждается в моем продукте. Так, шаг за шагом, и получается потихоньку, – просто ответил папа.

– А я бы хотела ту хижину посмотреть, из которой ты за моржами наблюдал, – неожиданно для самой себя сказала я. Мне показалось очень романтичным это место. В голове замелькали идеи для книги, но папе я пока не стала ничего рассказывать.

– Та легко. Только моржей там сейчас нет, – папа перевел взгляд с дороги на меня. – Давай завтра и поедем, пока погода позволяет, – предложил папа. Я согласно кивнула.

Остаток дня мы провели дома. На улице быстро стемнело, но дома было очень светло. Кроме люстр, по всей квартире были развешаны бра, от которых шел теплый свет. С кухни доносился приятный аромат еды. Мне почему-то вспомнилось детство: чей-то день рождения или Новый год. И папа с мамой вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.